

Чжао Цзи, хоть и вел себя как безумный фанат своего кумира, невольно нянчился с ним, словно заботливая матушка. В конце концов, этого рисованного персонажа он когда-то обожал всем сердцем, и теперь, оказавшись в этом мире, готов был идти до конца.

Ли Сюньхуань действительно обладал кристально чистой душой, редким благородством и искренним стремлением к справедливости. Но разные эпохи смотрят на него по-разному. С точки зрения древних устоев, где превыше всего ценились верность долгу и сыновнее благочестие, он заслуживал звания истинного мужа без всяких оговорок. В любой неразрешимой ситуации он без колебаний жертвовал собой.

В оригинальном романе Лун Сяюнь бросил Ли Сюньхуаню слова, которые идеально объясняли его жгучую, готовую испепелить всё на свете ненависть:

«Человек, готовый принести себя в жертву ради чужого блага, упивается собственным величием, и это чувство притупляет его страдания. А я хочу, чтобы ты мучился вечно»

Лун Сяюнь жаждал уничтожить покровителя лишь потому, что брал от него слишком много. Он требовал того, что даже самому казалось верхом наглости, но Ли Сюньхуань безропотно отдавал всё до последней крохи. И это бескорыстие ломало Лун Сяюня. Сравнивая себя с безупречным названным братом, он изнывал от собственной ничтожности, и эта зависть со временем переросла в уродливую, извращенную злобу.

В древности подобное самоотречение вызывало лишь благоговение, но современный человек увидит здесь лишь глупость. Жертвенность Ли Сюньхуаня не знала границ и лишала его всякого самоуважения. Тот же Лун Сяюнь без зазрения совести садился ему на шею, пользуясь его безотказностью, а тот лишь покорно сносил все обиды. Ладно, пускай он святой. Но какое право он имел решать за Линь Шиинь? Как у него хватило духу притвориться распутником, выставить себя негодяем и толкнуть любимую женщину в объятия Лун Сяюня? С чего он взял, будто этот подлец сделает её счастливой, а сам он обречён приносить лишь горе? С какой стороны ни посмотри, это чистое безумие.

И вся гнусность Ли Сюньхуаня крылась именно в этом «благородном» бегстве от счастья. Однако у Чжао Цзи имелось против этого верное средство. На каждую безумную идею меченосца у императора был готов куда более масштабный план — своеобразная лента Мёбиуса, призванная сковать его вечные сомнения.

Кто такой Чжао Цзи? Он император! Его Величество!

Стоило ему издать указ, чёрным по белому повелевающий: «Живите в мире и согласии», как Ли Сюньхуаню, реши он снова разыграть из себя мученика, пришлось бы крепко задуматься, не сочтут ли его поступок изменой государю, попранием сыновнего долга и чести. Под гнётом столь тяжких обвинений упрямец не посмел бы и пикнуть.

Его душевная болезнь зашла слишком далеко, обычные доводы тут не работали. Помочь мог только монарший указ, бьющий точно в цель.

Тем временем в усадьбе Ли вовсю кипела работа. Высочайшее повеление государя всколыхнуло весь дом. Слуги с радостными лицами сновали туда-сюда, готовясь к торжеству. Матушка Ли отнеслась к делу со всей важностью: пригласила знатных дам для проведения обряда сватовства, и вскоре караван из десяти тяжело груженных повозок с богатыми дарами потянулся к усадьбе Ли.

Лун Сяююнь, всё ещё остававшийся в усадьбе, безучастно наблюдал за тем, как дом украшают праздничными лентами и фонарями. В этой суете он чувствовал себя совершенно лишним. Самым унижительным было то, что Линь Шиинь — девушка, к которой он совсем недавно просил посвататься под предлогом своей смертельной болезни, — теперь выходила замуж по указу самого государя. Хоть его никто и не гнал, усадьба Ли сделалась для него ложем из острых шипов. Находиться здесь дольше было невыносимо.

Как гостя названного брата его не смели обделять вниманием, но спешная подготовка к свадьбе отнимала у слуг все силы. О прежней заботе не шло и речи. Пользуясь суматохой, Лун Сяююнь прижал к груди своё серебряное копьё и незаметно выскользнул за ворота.

Покинув усадьбу, он накинул капюшон и быстрым шагом направился напрямик к Павильону Десяти Тысяч Цветов.

Он знал, что поступил низко. Прекрасно понимал, что дева Линь и его названный брат влюблены друг в друга, но прикинулся дураком и вымолил у друга сватовство. Но у него ведь имелось оправдание! Он влюбился в Линь Шиинь с первого взгляда, безумно и бесповоротно. Долго мучился, прежде чем решиться на эту подлость. Всё из-за любви — подлецы всегда находят благородные оправдания своим грехам.

Он слишком хорошо знал покладистый нрав Ли Сюньхуаня. Именно эта уверенность и заставила его тогда переступить через стыд. Поначалу план казался безупречным: названный брат терзался сомнениями и искал забвения в Павильоне Десяти Тысяч Цветов, а покинутая Шиинь проливала слёзы в усадьбе, постепенно привыкая искать утешения у Лун Сяююня. Его визит в бордель должен был лишь подтолкнуть колеблющегося друга к окончательному решению.

Но почему всё пошло прахом именно после той злополучной ночи? Он столкнулся в павильоне со странной служанкой, а на следующее утро пришёл императорский указ. Даже дурак понял бы, что эти события неразрывно связаны.

Указ Сына Неба не отменить, но Лун Сяююнь твердо вознамерился разыскать ту девку и сорвать на ней злость. Раз уж она вышла из покоев Линь Сяньэр, хозяйка комнаты наверняка знает, кто это был. Он без колебаний шёл к ней за ответом, твёрдо зная: Сяньэр без ума от Ли Сюньхуаня. Во всём Кайфэне не нашлось бы людей, презиравших эту свадьбу сильнее, чем они двое.

Ожидания его оправдались. Выслушав гостя, Линь Сяньэр без лишних расспросовпустила его и ошарашила неожиданной новостью.

— Что?! Та служанка — мужчина?

Лун Сяююнь опешил.

Линь Сяньэр кивнула, даже не пытаясь скрыть досаду. Она любила Ли Сюньхуаня всем сердцем, хотя тот никогда ничего ей не обещал. Обида душила её, но винить возлюбленного она не могла.

В оригинальной истории ненависть Сяньэр к Ли Сюньхуаню вспыхнула после того, как в день их свадьбы этот мерзавец признался, что любит лишь Линь Шиинь, и сбежал в первую же ночь, даже не прикоснувшись к невесте. Для признанной красавицы подобное пренебрежение стало несмываемым позором. Девушка отнюдь не отличалась кротким нравом, но и меченосец повёл себя как последний подлец, за что впоследствии и поплатился. На сей раз, однако, брак заключался по велению государя. Линь Сяньэр не смела роптать на Сына Неба и по-прежнему не винила любимого. Вся её злость теперь сосредоточилась на безвестном смазливом юнце, расстроившем их планы, и она с радостью готова была устроить ему весёлую жизнь.

В искусстве навлекать на себя чужой гнев Чжао Цзи преуспел как никто другой — оба заговорщика теперь жаждали мести. Лун Сяююнь явился лишь разузнать о переодетом юнце, чтобы нанести удар, но, услышав ответ, помрачнел.

— Клан Го — слишком влиятельная семья, — покачал он головой.

Линь Сяньэр грациозным жестом извлекла из широкого рукава записку и, зажав её между пальцами, подтолкнула к собеседнику:

— Вот то, что мне удалось вывести.

Лун Сяююнь развернул бумагу. На ней вкратце описывалась судьба наложницы Го Чуньлань.

— Клан Го велик, но сама наложница Го принадлежит к боковой ветви, — вкратце заговорила Сяньэр. — В прошлом она была лишь безвестной служанкой при вдовствующей императрице Сян. Та выделила её за смазливое личико и поднесла в дар тогдашнему вану Дуаню, нынешнему государю. С восшествием Его Величества на престол девка и её родня в одночасье взлетели до небес. Похоже, именно поэтому наложница Го теперь из кожи вон лезет, лишь бы удержать благосклонность императора. Дело зашло так далеко, что она умолила своего младшего брата явиться в это презируемое благородными господами заведение.

Подумать только: императорская фаворитка тайно отправляет родича в весёлый дом, чтобы перенять у куртизанок тайны обольщения! Вскройся эта постыдная тайна, над кланом Го

хохотал бы весь двор.

— Но как этот юнец связан с высочайшим указом? — недоумевал Лун Сяююнь.

— Обычной служанке такое не под силу, — рассмеялась Сяньэр, прикрыв рот ладонью. — Однако поговаривают, что наложница Го сейчас в великом фаворе у государя.

Всего несколько фраз — и тайный союз против младшего господина Го был заключен.

— Скоро я покину Павильон Десяти Тысяч Цветов, — добавила Линь Сяньэр. — Но если ты действительно хочешь проучить выскочку, у меня есть одна мысль.

— Какая же? — оживился собеседник.

Линь Сяньэр обернулась к двери и негромко позвала:

— Шиши, войди.

После лёгкого стука створка отворилась, и в комнату скользнула юная дева. Она была ослепительно хороша — её красота ничуть не уступала очарованию признанной первой красавицы Поднебесной Линь Сяньэр. Что поражало больше всего: в облике этой прелестницы не было и следа пошлой разгульности весёлых кварталов. Нежная, утончённая, она походила скорее на благовоспитанную барышню из знатного рода, нежели на обитательницу борделя.

— Её зовут Ли Шиши, — представила девицу Линь Сяньэр. — Несколько лет назад я выкупила её и вырастила сама. Если умело пустить слух и представить её публике, не пройдет и месяца, как она завоюет звание первой куртизанки Кайфэна.

Лун Сяююнь нахмурился, разглядывая покорную девушку.

— К чему ты клонишь?

Он всё ещё не понимал, какую игру ведёт куртизанка. К тому же, какой бы прелестной ни казалась Ли Шиши, до благородного величия Линь Шиинь ей было далеко. Это было дело не лица, но самой стати. Мужчина, хоть раз узревший деву Линь, больше не мог смотреть на других женщин. Линь Шиинь обладала редким, утончённым очарованием. Гордая, холодная, с вечной затаённой грустью во взоре — одно её появление заставляло трепетать даже самые черствые сердца.

Линь Сяньэр многозначительно улыбнулась.

— Разве ты не жаждешь мести? Шиши отныне твоя. Власть наложницы Го держится лишь на императорской милости. Но разве вечна женская красота? В бытность свою ваном Дуанем государь прославился любовными похождениями на этих улицах. Стоит Шиши покорить Кайфэн, как спесь наложницы Го мигом поубавится. А когда фаворитка лишится расположения, погубить её младшего брата не составит никакого труда.

Лун Сяююнь заколебался. Ли Сюньхуань служил чиновником и приходился ему названным братом — его не тронь. Свадьба скреплена государевой волей — туда соваться опасно. Сам Сын Неба недосягаем. Но если нельзя покарать главных виновников, почему бы не излить накопившуюся желчь на этого ничтожного мальчишку Го?

Линь Сяньэр уловила его сомнения, и губы её расплылись в торжествующей улыбке.

— Павильон Десяти Тысяч Цветов теперь полностью принадлежит мне, — вкрадчиво проговорила она. — Послезавтра я уезжаю из столицы вместе с молодым господином на гору Белого Верблюда. Бордель остаётся тебе. Сумеешь ли ты воспользоваться им — зависит лишь от твоей хватки.

С этими словами она выложила на стол дарственные на землю и дом, плавно подтолкнув их Лун Сяююню.

Изначально она собиралась выгодно сбыть заведение с рук, но визит нежданного гостя всё изменил. Оставить павильон Лун Сяююню, чтобы тот превратил жизнь наглого выскочки в сущий ад, показалось ей куда более заманчивой затеей.

Заговорщик спрятал бумаги за пазуху, но внезапно нахмурился, силясь припомнить оброненное куртизанкой название.

— Гора Белого Верблюда? — медленно переспросил он.

Линь Сяньэр осеклась. Поняв, что нарушила строжайший приказ молодого господина хранить их отъезд в тайне, она мгновенно помрачнела.

— Это тебя не касается, — сухо отрезала куртизанка и, резко развернувшись, покинула покой.